

Борис ЗАХОДЕР:

— О тебе говорят, как о детском поэте. — А я разве спорю, милые дети?

Учительская газета — 1992 — 17 марта

— ... Когда-то у нас с вами был разговор о «Курочке Рябе». Вы не помните, что говорили?

— Как это я не помню?! Когда мне в начале 60-х неожиданно выдали группу молодых авторов в Союзе писателей, чтобы я руководил их, так сказать, творчеством...

— Семинар?

— Семинар, да. Там были: Ира Токмакова, Гали Демкина, Генрих Сапгир, Леночка Аксельрод, Юрий Вронский. Я им нечаянно задал вопрос: «В чем смысл «Курочки Рябы»? Ответы были более чем разные. Но одно было общее: ни один человек ничего вразумительного на эту тему произнести не смог.

Я задумался, почему читатели не видят такой простой и ясный смысл сказки? И понял, что это вопрос, пожалуй, педагогический. Сказки нам рассказывают в таком возрасте, когда мы слышим только их музыку. «Посади дед Репку. Выросла Репка большая-пребольшая...», «Жили-были дед да баба, была у них Курочка Ряба...» — воспринимаем мы как колыбельную песню. А смысла не осознаем. Не понимаем, что сказка о счастье, о том, как человек поступает со счастьем. Ведь что произошло? Снесла курочка яичко не простое, а золотое. То есть счастье привалило, попросту сказать. Можно понять это как семейное счастье. И как поступают с ним люди? Начинают его бить. Зачем, почему? — Неизвестно. Даже вопрос такой не задается. Раз подвалило тебе золотое яичко, ты должен его бить. А ведь автор сказки прекрасно понимает, что это делать не надо. Высочайшее целомудрие фольклора — показывать только само действие и не комментировать. Это расчет на очень высокую степень понимания. И она, по-видимому, в народе есть — иначе бы эти сказки не сохранились! А мы их, увы, не всегда понимаем.

Да и когда свои стихи пишешь — ты сеешь по ветер слова. Неизвестно, вернется ли к тебе этот хлеб, пущенный по водам.

— Борис Владимирович, было продолжение. Вышла прекрасная книга — «Между двух стульев». Автор Евгений Клюев. Там идет разговор и о Курочке Рябе. И Клюев, точно как вы, ставит перед всеми тот же вопрос, как будто он вас подслушал.

— А может, и подслушал. Я ведь, Вадим, это всем рассказываю. А ответ-то он знает?

— Нет.

— Клюев тоже не знает! Удивительно!

— Но он и сам удивляется. Говорит, что есть в сказке какой-то секрет и так далее. Но что забавно. Мне потом рассказывала одна женщина-психолог, что у них на психоаналитическом семинаре задали этот вопрос. И там, на семинаре, был батюшка некий. Батюшка говорит: «А ведь сказка-то эта другая. Ведь это же Ушинский отрезал ей хвост, как той мышке. В настоящей сказке Дед и Баба не плачут. Когда «яичко упало и разбилось, пыль за порогом закружилась, девочка-внучка удавилась, попадья бежала — квашню расплескала, поп бежал — книги потерял» и так далее, и так далее. И заканчивается тем, что колокольня покосилась!»

— Да-а, это замечательно. Жаль только, что это не о том, Вадим.

— Фольклорный вариант. Есть и другие. В одном — это разговор о том, как из мелочи возникает вселенская беда.

— Из мелочи?! Произошло чудо. Курица снесла золотое яичко. Ей-богу, это не каждый день бывает. Нет, что-то не то. Хвост этот хоть

и фольклорный, но фальшивый.

— Не знаю, насколько правдоподобна батюшкина интерпретация, но она очень интересная. Он говорит так. Во-первых, Курочка Ряба еще в язычестве славянском — то же самое, что зебра-судьба. Черная полоса — белая полоса — черная полоса. То есть это не случайно, что именно Ряба была у деда и бабки. Она снесла чудесное яичко. Такая судьба. И было им судьбой назначено — разбить это яичко. Стали они бить, но своего урока не выполнили. И тогда из норки, из подпола выскочило серенькое, маленькое, дьявольское — хвостиком махнуло. Тут-то и начались беды на земле. Из-за того, что кто-то завета не выполнил.

— Боже мой, ну и ну. При желании можно и не то состряпать из яичка. Даже яичницу сделать. Я человек примитивный, я же детский автор.

Но если говорить серьезно, то народные сказки требуют очень бережного отношения. Всякое изложение, переделки не так безобидны, как кажется. Ведь эти «сказочки», «побасенки», потешки, стишки — это, по сути дела, — генотип всей художественной словесности. А воздействие на ген — скажем, неквалифицированное или неосторожное — приводит к рождению уродцев.

Известный литературовед, австриец Бамберг, затеял благое дело — издал антологию народных сказок для детей всех возрастов. «Моя первая большая сказочная книга», «Моя вторая большая сказочная книга»... Он мне подарил английский вариант. Я был очень благодарен и начал читать.

Открывает трехтомную антологию наша родная «Репка». Излагается она приблизительно так (в устном переводе с английского).

Старый человек посадил репное зернышко.

Вот когда репка выросла, однажды вечером старик подумал, что ему неплохо бы приготовить ее на ужин. Он надел свои большие сапоги и пошел в поле, чтобы вытащить ее. Он схватил ее за листья и стал тянуть и тянуть, но он не мог вытащить ее. Он позвал жену, она пришла, стала тянуть за него и т. д. Прибежал маленький мальчик. Он стал тянуть за женщину, женщина за мужа, а мужчина тянул за листья. Потом пришла собака с лаем и взялась за маленького мальчика. Потом курица пришла, трепеща крыльшками — честное слово, так и написано — и схватила собаку за хвост своим клювом — не чини-нибудь! Потом пришел петух. Петух потянул за курицу, и тянули, тянули, и потом вытянули репку. И у всех у них была репа на ужин. И много еще осталось на следующий день.

Что же тут осталось от сказки про Репку?! Казалось бы, мелочь — рассказчик нарушил порядок появления персонажей. И эта «мелочь» убила смысл сказки. Сказка превратилась в уродца. К ней много что прибавилось, но мало что от нее осталось.

В фольклорной «Репке» все идет от большего к меньшему. И от менее забавного — к более забавному. В конце концов все решается мышкой. То же самое в «Курочке Рябе». Добили золотое яичко до такого состояния, что уже достаточно было мышке хвостиком махнуть...

К сожалению, литературоведение изобилует интерпретациями, не основанными на сути дела.

— А выхватить суть тут, по-видимому, можно только интуицией?

— Вообще непосредственное



восприятие — это очень много. Ведь мозги, если их не возделывать очень долго с помощью гербицидов, не так уж плохи. Но, конечно, школа в этом смысле играет чудовищную роль.

То, что я начал продвигаться в детской литературе, было плодом совершенно сознательного решения. Поскольку у нас вся «взрослая» литература делается так, как будто она рассчитана на слабоумных детей, то лучше уж обращаться откровенно к детям. Дети, есть надежда, еще не стали слабоумными.

— Вы переводите с английского, польского, немецкого. Еще...?

— ...выпустил книжку сказок, которые переводил не с польского, не с немецкого, не с английского и даже не с французского, а просто с чешского.

— А с немецкого — Гете?

— Гете, да. Только Гете.

— Почему — Гете?

— Это вообще не вопрос.

— Спросим по-другому: почему Вы переводите Гете?

— Если бы я не боялся быть нескромным, я бы сказал: «родство душ». И проявилось оно очень рано. Не знаю, известно ли вам, что первое написанное мною стихотворение — это было шестьдесят лет назад — перевод «Лесного царя» Гете. Решил утереть нос Жуковскому, сопляк.

— И получилось?

— Боюсь, что не очень. Но я не хочу быть нескромным, и потому рискну показаться просто нахальным. Мне было... жалко.

— Кого?

— Гете и наших читателей. Как ни грустно признаваться, у нас в России Гете особенно не поведло. Мы его просто-напросто не знаем.

Сам Гете делил художников на две категории: художники стиля и художники манеры. Художники манеры — это те, кто, как сейчас модно говорить, занимается самовыражением. Поэтому, говорит Гете, они так удручающе напоминают один другого.

Художники стиля стараются раскрыть в божьих созданиях именно то, что в них вложил Господь. И поэтому они так непохожи друг на друга.

Гете — поэт стиля. И с ним, как

с народными сказками: если вы чуть что-то не так тронули, у вас получается совершенно не то.

Между прочим, со всякими стихами — даже с моими! — надо обращаться аккуратно. В подборке, которую «УГ» опубликовала в прошлом номере, из двух стихотворений сделала одно — «НОБЕЛЕВСКОМУ КОМИТЕТУ». После заключительных слов первого из них «... от не-поэта» выпала дата — 1989. Согласитесь, это несколько меняет смысл как первого, так и второго стихотворения.

Когда-то Твардовский опубликовал маленький цикл гетевских вещей в «Новом мире». В предисловии было написано (Б. Заходером. — Ред.), что, когда вы пытаетесь воспроизвести Гете, оказываетесь в положении персонажа сказки, который спускается в пещеру, полную сокровищ, и выносит оттуда столько, сколько может унести. Но важно, чтобы он принес именно то, что взял. Сколько потом ни доказывай, что химический состав предъявленных тобой угольков и извести — тот же самый, что у перлов и алмазов оригинала (а перлы, жемчуг — это действительно извест по составу, и алмазы, как известно, — уголь, чистый углерод), цена все равно будет другая, правда?

Возможно, поэтому у нас Гете так не повезло и с критикой. Все на него набрасываются. Может быть, потому что им не дополнить даже до его пятки. Вспомните, как товарищ Сталин объявил, что «эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете». Он имел в виду «Девушку и смерть», графоманское сочинение Горького. Но и сам Горький, оказывается, еще до товарища Сталина сумел лигнуть Гете. Написав в своей «Истории русской литературы», что четверостишие Жуковского на смерть Гете куда выше творений самого Гете.

А изумительнее всех высказался поэт Тихонов, ну, тот, который предлагал из людей делать гвозди.

Он написал, что Лермонтов сделал гениальное произведение из посредственного произведения Гете. Черт дернул барда за язык! Назвать посредственным гетевское творение «Über allen Gipfeln ist Ruh», которое поражает прежде всего непосредственностью, экспромптом, свежестью. Кстати, оно и написано было на стенке охотничьего домика. В ритме, который родился с этим стихотворением и больше никем не повторялся. Даже автором!

И вот этой-то чарующей первозданности нет в «Горных вершинах». Это — прекрасное стихотворение, но совсем по-другому прекрасное. И сравнивать его с гетевским шедевром я бы не стал... Из уважения и любви к Лермонтову. У Гете это отдыш природы, услышанный поэтом. Ее вечернее засыпание, увиденное как радостное предчувствие смерти. А может быть, и не радостное. Но светлое, я бы сказал.

«Подожди немного, отдохнешь и ты...» — сказано у Лермонтова. Прекрасные слова, кажется, проще и лучше нельзя сказать. Оказывается, можно. В оригинале так: «Тебя ждет покой». Вот это о чем. Теперь, когда все прочли Булгакова, мы знаем, что это за покой, и кому он дается. И знаем, о чем это стихотворение.

Можно, конечно, на ваш вопрос, почему хочется переводить Гете, дать и такой ответ: потому что он уж очень современный автор. Он как-то ухитряется всегда быть впереди времени. Любого времени. Видно, это единственный способ быть современным.

Кстати, у него есть стихи, по-моему, прямо предназначенные для

«Учительской газеты»:

Будут и воспитанные деточки
рождаться,

Лишь бы нам воспитанных
родителей дожидаться.

Он был величайший лирик, более чем лирик. Он, как японец, каждый день писал свои хокку или танки, если хотите. Двустопишья, четверостишья. Изо дня в день он вел свой поэтический дневник, где и мудрость, и юмор. Где глубочайшие мысли, высказанные как бы мимоходом. Увы, мы всего этого не знаем и знать не хотим. Неизвестно почему.

— Одна из проблем школы сейчас — как быть с религией? Гете писал о религии тоже?

— О религии — очень много. И я в своем отношении к религии руководствуюсь неизвестным, к сожалению, у нас четверостишнем Гете. Перевести его на русский почти невозможно. Это настолько абсолютно точно выражено, что всякое искажение здесь недопустимо. И я переведу это просто прозой, как делают французы, когда находят стихи достойными их, французского, внимания: «У кого есть наука и искусство, у того есть и религия. Вот у кого этой парочки нет, у того чтоб была религия». Причем это можно понять и так: «...тому необходима религия». И так: «...тому никак нельзя без религии». Или: «...у того пусть будет религия». Мне как-то больше всего нравится последний вариант. Лет пятнадцать назад я набрался нахальства с Гете поспорить и написал такие стихи:

«Нет, нет — необходимы рай и ад!

Нам нужен добрый Бог и дьявол злобный, —

Не ради наказаний и наград
В какой-то жизни будущей,

Загробной —
Нет, в этой жизни,

В этой тьме утробной
Всем —

Даже тем, кому сам черт
не брат!

— Никак нельзя

Без ясной и удобной

Системы мировых координат.

Но Бог пропал и Сатана исчез.

Куда?!

— Бог ведь...

Нам говорят: — Прогресс!

Вот это странно.

Ну, допустим,

Богу

Не так легко

Шагать с прогрессом в ногу, —

Но Сатане и разным прочим бесам

Сам Бог велел

Руководить прогрессом...

Это было первое мое стихотворение о вере, о религии. С тех пор я написал их немало. Хотите послушать?

У нас бывало фео гнали в шею,

А ныне бес вопит:

Христос воскрес!

Вот это называется прогресс.

И еще одно смешное стихотворение. Оно написано не так давно. Я назвал его «Загадка века».

Предлагаю вам любой гонорар в твердой валюте, если угадаете последнюю строчку. Хотите?

Спросили как-то Сатану:

— Что ты так долго делал в ванной?

Ответ был

более чем странный:

Елена КОМАРОВА,
Вадим ЛЕВИН